

слов и никаких витиеватых силлогизмов не выбирал, а пишу самым простым штилем, которым обыкновенно говорят, да при том соблюдаю ясность и справедливость» (259). Этот слишком скромный читатель очевидно выражает редакционные принципы журнала. Литературно-историческое значение моралистических журналов заключается не в последнюю очередь в том, что они способствовали развитию русской прозы среднего стиля.

Новая этика для дворянской публики

В своей педагогической работе русские моралистические журналы могли опираться на аналогичные стремления Петровской эпохи. Как известно, «царь-преобразователь» стремился к тому, чтобы совершить фундаментальную перемену менталитета своих подданных: «новая» Россия нуждалась в «новых» людях. Эта программа и основанная ею традиция определяют своеобразие того культурного контекста, который стал релевантным для русского восприятия западной моралистической журналистики: в специфических условиях русской культуры XVIII в. эта журналистика предстает продолжением культурной революции Петра I. Это следует учесть, когда речь идет о создании «идеального человека и совершенного гражданина»: на русской почве задачей моралистических журналов является не просто воспитание читающей публики, как в Англии или Германии, а, скорее, ее «перевоспитание» под знаком оппозиции «старой» и «новой» России; ср. утопизм официальной педагогики 1760—1770-х гг., предусматривавшей в нововведенных образовательных учреждениях полную изоляцию воспитанников от окружающей среды, этого носителя «порочной» традиции.

Культурная политика Петра I вместе с интеллектуальным обликом русского человека стремилась изменить и его моральный облик. Необходимо было создать новую этику — заменить традиционное благочестие, т. е. древнерусский идеал христианского поведения, новой нравственной нормой, которая бы соответствовала потребностям европеизированной России. Для этой задачи никто не оказался таким квалифицированным, как Феофан Прокопович, представитель русской церкви и одновременно главный пропагандист царя. В своих петербургских проповедях Феофан стремится переинтерпретировать традиционное благочестие в смысле петровской идеологии. В центре его проповеди 1718 г. к празднику Св. Александра Невского²³ находится повторяемый в качестве лейтмотива фундаментальный вопрос христианской этики: «как нам

²³ Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 94—103.